

Российское правосудие. 2025. № 10. С. 17–27

Rossijskoe pravosudie. 2025. No. 10. P. 17–27

УДК 340.13

DOI: 10.37399/issn2072-909X.2025.10.17-27

Научная статья

О применимости юридико-догматических методов к разрешению коллизий принципов

Арсений Александрович Краевский^{1, 2}

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация, a.krajewski@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6112-7417>

² Самарский государственный экономический университет, Самара, Российская Федерация

Аннотация. В современной юридической науке прослеживается разрыв между традиционным догматическим методом разрешения коллизий, используемым при разрешении большинства нормативных конфликтов, и концепцией взвешивания, или балансирования, юридических принципов, получившей широкое распространение в конституционно-правовой теории. Проблема заключается в неясности соотношения двух методов и границ их применения. Цель исследования состоит в преодолении методологического разрыва между традиционным методом разрешения нормативных коллизий и методом взвешивания, согласовании теории столкновения принципов с общим догматическим методом разрешения нормативных конфликтов.

Основными методами, использованными в работе, являются общенаучные методы дедукции, анализа, синтеза, абстракции и сравнения, а также частнонаучный формально-юридический метод.

В статье проведено сравнение традиционного метода разрешения нормативных конфликтов, основанного на коллизионных правилах и согласовании содержания конфликтующих норм, метода категоризации (выделяемого в научной литературе способа разрешения коллизий принципов) и метода взвешивания принципов. В рамках последнего выделяется две версии. Первая из них рассматривает «взвешивание» как строгую и претендующую на математическую точность процедуру измерения, вторая рассматривает «взвешивание» как определенную метафору, не поддающуюся строгой формализации. На примере известной формулы веса юридических принципов Р. Алекси показана основная проблема строгой концепции взвешивания – несоизмеримость сравниваемых принципов в научном смысле, при этом критически разбираются основные контраргументы сторонников данного подхода. Нестрогая концепция взвешивания и категоризация включены автором в общие рамки традиционного метода разрешения коллизий как элементы интерпретационной гармонизации конфликтующих норм.

Ключевые слова: юридические принципы, конфликт норм, коллизия норм, коллизия принципов, конфликт принципов, взвешивание принципов, Р. Алекси

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01893, [https://rscf.ru/project/24-28-01893/](https://rscf.ru/project/24-28-01893).

Для цитирования: Краевский А. А. О применимости юридико-догматических методов к разрешению коллизий принципов // Российское правосудие. 2025. № 10. С. 17–27. <https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2025.10.17-27>.

Original article

On the Applicability of Legal-Dogmatic Methods to Resolving Conflicts of Principles

Arseny A. Kraevsky^{1,2}

¹St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation, a.krajewski@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6112-7417>

²Samara State Economic University, Samara, Russian Federation

Abstract. In modern legal science, a gap has formed between the traditional dogmatic method of conflict resolution, used in resolving most normative conflicts and the concept of weighing or balancing legal principles, which has become widespread in the theory of constitutional law. The problem lies in the lack of clarity of the correlation between the two methods and the boundaries of their application.

The aim of the study is to overcome the methodological gap between the traditional method of resolving normative conflicts and the method of weighing, placing the theory of clash of principles within the framework of the general theory of normative conflicts.

The main methods used in the paper are the general scientific methods of deduction, analysis, synthesis, abstraction, determination and comparison. The general scientific method of measurement is also discussed to formulate a general conclusion.

The article compares the traditional method of resolving normative conflicts based on conflict rules and harmonization of the content of colliding norms, the method of categorization (another method of resolving conflicts of principles identified in the scientific literature) and the method of weighing principles. There are two versions of the latter. The first one considers “weighing” as a strict and mathematically precise measurement procedure, and the second one considers “weighting” as a certain metaphor that cannot be strictly formalized. Using the example of the famous R. Alexy’s weight formula, the main problem of the strict concept of weighing – Incommensurability of the compared principles in the scientific sense – Is shown, and the main counterarguments of the proponents of this approach are critically analyzed. The non-strict concept of weighing, along with categorization, are included in the general framework of the traditional method of conflict resolution as elements of interpretive harmonization of conflicting norms.

Keywords: legal principles, conflict of norms, collision of norms, collision of principles, conflict of principles, weighing principles, R. Alexy

Acknowledgements: the study was funded by a grant from the Russian Science Foundation № 24-28-01893, <https://rscf.ru/project/24-28-01893/>.

For citation: Kraevsky, A. A. On the applicability of legal-dogmatic methods to resolving conflicts of principles. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2025;(10):17-27. (In Russ.) <https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2025.10.17-27>.

Коллизии правовых норм – проблема, с которой регулярно сталкиваются правоприменители и в более широком смысле – все юристы, работающие с позитивным правом. Общие теоретические исследования, посвященные нормативным конфликтам, в основном касаются вопросов их природы, классификации и, конечно, разрешения [1; 2; 3]. Вместе с тем существует категория коллизий, которой, как правило, не уделяется специального внимания в рамках общей теории, а именно коллизия или конкуренция юридических принципов. Однако эта проблема находится в центре дискуссий современной конституционно-правовой науки.

В конституционно-правовой науке преобладает представление об особом методе разрешения такого рода конфликтов, связанном с идеей пропорциональности ограничения конституционных прав, а также идеей «взвешивания» или «балансирования» разных принципов, в некоторых концепциях даже претендующем на математическую точность [4], что заметно отличается от традиционного догматического подхода к устранению юридических коллизий. Более того, в научной литературе часто ставится под сомнение применимость догматического подхода к ситуации столкновения правовых принципов [5, с. 17–18; 6, с. 273–276; 7, с. 240–250]. Таким образом, существует разрыв между двумя юридическими методами устранения коллизий, усугубляющийся институциональной обособленностью судов (кон-

ституционных и международных), ориентированных на применение метода «взвешивания» [2, с. 6, 100–103].

Цель настоящего исследования заключается в том, чтобы согласовать теорию коллизий юридических принципов с общей теорией коллизий и смягчить противопоставление двух методов, показав, что различие между ними является лишь относительным, как относительным выступает и само различие юридических принципов и правил.

1. Коллизия принципов с точки зрения классификации нормативных конфликтов

Вопрос о соотношении принципов и норм представляется довольно запутанным по причине многозначности термина «юридический принцип». Можно говорить о принципах как общих идеях, пронизывающих правовой порядок. Такие принципы имеют значение при толковании правовых норм и восполнении пробелов в праве, но сами по себе правовыми нормами не являются и непосредственно применены быть не могут, выступая в первую очередь инструментом научного описания правовой системы. С другой стороны, существуют нормы-принципы, т. е. непосредственно действующие нормы высокой степени абстрактности, в первую очередь нормы конституций и общих положений кодифицированных законов, как прямо сформулированные, так и выведенные судебной практикой при помощи толкования¹. В дальнейшем, говоря о юридических принципах, мы будем иметь в виду именно нормы-принципы. Дополнительную сложность привносит концепция Р. Дворкина, в известном русском переводе работы которого [8] принципы противопоставляются нормам (rules) [9, с. 141–143]. Вместе с тем, с нашей точки зрения, последний термин в рассматриваемом контексте было бы корректнее перевести как «правило» [10, с. 25–31; 11, с. 525], поскольку «норма» в языке романо-германской юриспруденции скорее соответствует родовому понятию [12; 13, р. 44–47].

Под влиянием Дворкина в юридической доктрине широкое распространение получила идея противопоставления принципов и правил, встречавшаяся и у более ранних авторов (см.: [14; 15]). Предполагается, что правила непосредственно регулируют человеческое поведение, претендуя на исключительность его детерминации в определенной ситуации. Дворкин пишет: «Правила применимы по формуле «все или ничего». Если даны предполагаемые правилами факты, то либо правило действует и поддерживаемый им ответ должен быть принят, либо оно не действует, и тогда оно никак не влияет на решение» [16, р. 24]. Принципы, в свою очередь, не детерминируют решение, а направляют его в определенную сторону, реализуясь в различной степени [16, р. 26–27]. Последнее свойство принципов влечет за собой особый механизм их применения, известный как «балансирование» или «взвешивание» [16, р. 27]. Представление об абсолютном (качественном, логическом и т. д.) противопоставлении правил и принципов неоднократно подвергалось критике. С точки зрения противников такого подхода различие правил и принципов является относительным, это различие степени абстрактности [17, с. 261–263; 18, с. 832–834]. Последняя позиция представляется нам более близкой к истине, однако относительность отличий сама по себе не отменяет вопроса об особенностях применения принципов и разрешения конфликтов, возникающих между ними.

Понятие коллизии норм тоже вызывает споры, существуют разные подходы к пониманию их природы². Сложность заключается даже в самом определении понятия коллизии. Довольно часто встречается определение через родовое понятие противоречия, однако противоречие в строгом логическом смысле связано с категорией истинности суждения³, в то время как нормы

¹ Тимошина Е. В., Васильева Н. С., Кондуров В. Е. и др. Стратегии судебного толкования и принципы права : учеб. пособие / под ред. Е. В. Тимошиной. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2022. С. 232–254.

² См.: [19, с. 56–57; 20, с. 119–126]. См. также: Петров А. А., Тихонравов Е. Ю. Проблемы и коллизии в праве : учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2019. С. 39–40.

³ Челпанов Г. И. Учебник логики. М. : Изд. группа «Прогресс», 1994. С. 74–80.

мы не являются ни истинными, ни ложными. Более удачным представляется подход Г. Кельзена, согласно которому «...конфликт двух норм имеет место, если при соблюдении или применении одной нормы другая с необходимостью нарушается или может быть нарушена» [21, с. 250]. Такое понимание позволяет охватить не только квазилогические коллизии норм, одна из которых явным образом отрицает последствие, предписываемое другой, но и конфликты телеологические, вызванные несовместимостью в конкретном случае целей двух *prima facie* вполне совместимых друг с другом норм [22, с. 256–257]. Конфликты принципов, очевидно, в большинстве случаев должны быть отнесены именно к данной категории.

2. Основные подходы к разрешению коллизий принципов

Вслед за Н. В. Варламовой можно назвать три основных подхода к разрешению конфликтов принципов: догматический метод, метод категоризации и метод взвешивания [6, с. 277; 7, с. 253–254].

Догматический подход основывается на традиционной теории толкования, систематизации юридических понятий [23] и применении коллизионных правил. К общим правилам чаще всего относят принципы *lex superior derogat inferiori* (приоритет нормы, имеющей большую юридическую силу), *lex posterior derogat priori* (приоритет более поздней нормы) и *lex specialis derogat generali* (приоритет специальной нормы). Перечисленные правила иногда рассматриваются как часть доктрины толкования, однако в большинстве правопорядков они так или иначе позитивированы благодаря деятельности законодателя либо судебной практике. Возможны и другие общие коллизионные правила, например правило предметной иерархии [3] или правило о приоритете нормы, лучше защищающей права человека [2, с. 63–65]. Многочисленные специальные коллизионные нормы разрешают конфликты в более частных случаях, например, устанавливают, что некоторое правило применяется, если другим законом не установлено иное.

Применению коллизионных правил предшествует процедура толкования норм, предположительно вступивших в коллизию, и на этой стадии правоприменитель часто стремится согласовать их содержание. Гармонизация заключается в ограничении для каждой из норм своей сферы действия [24, с. 253; 25, р. 125–139].

Категоризация юридических принципов представляет собой составление их системы, разделение на категории и субкатегории, например классификации прав человека. Частью категоризации является содержательное разграничение принципов между собой. В качестве правоприменительного метода категоризация означает определение на основании соответствующей классификации того принципа, который применим в спорном случае [26, р. 502–527; 6, с. 277–281; 7, с. 254–262].

Фактически метод категоризации точно соответствует классическому догматическому методу составления системы юридических понятий [24, с. 391–446], получившему наиболее яркое выражение в знаменитой школе юриспруденции понятий [26, р. 503–505], и едва ли можно согласиться с его выделением в качестве самостоятельного. Категоризация в рамках разрешения коллизий представляет собой основную форму гармонизации содержания рассматриваемых норм на этапе их толкования.

Взвешивание, или балансирование, принципов в общем виде представляет собой процедуру определения приоритета того или иного принципа исходя из его «веса» или значения в конкретной ситуации [16, р. 26–27]. К данному методу близок метод взвешивания интересов, сформулированный на рубеже XIX и XX вв. преимущественно для целей разрешения частноправовых споров, более того, в американской юридической практике нет четкого различия между указанными методами [27]. В юридических доктринах романо-германских и некоторых других стран, например Израиля, взвешивание принципов часто рассматривается как элемент теста на пропорциональность – проверки соразмерности ограничения конституционных прав [27; 28, с. 113–

123], хотя встречаются и другие подходы к соотношению данных категорий [29, с. 65–66]. Необходимо отметить, что сам по себе классический тест на пропорциональность, т. е. оценка соизмерности вводимых законодательным путем ограничений прав и свобод публичным целям, находится за рамками нашего исследования, поскольку существующая в таких случаях коллизия – конфликт нормы о правах и свободах, с одной стороны, и нормы нового закона, с другой, разрешается определенной позитивно-правовой коллизионной нормой, установленной конституцией (например, п. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации) или судебной практикой.

Можно выделить два подхода к процедуре балансирования принципов. С точки зрения первого взвешивание представляет собой метафору, объясняющую конечный выбор судьи в пользу приоритета того или иного принципа. Как отмечал Дворкин, «...разумеется, не может быть точного измерения, и суждение, что один принцип или политика важнее другого, часто будет спорным» [16, р. 26]. Со второй точки зрения взвешивание – это строго рациональная измерительная процедура. Наиболее ярким представителем последней позиции является немецкий правовед Роберт Алекси, разработавший особую «формулу веса».

3. Проблема несоизмеримости

В литературе, посвященной строгой концепции «взвешивания», неоднократно высказывалась мысль о невозможности какой-либо формализации данного процесса в силу несоизмеримости нарушения различных принципов [8, с. 230–232]. Действительно, количественное сопоставление двух величин возможно только при наличии единой шкалы и процедуры измерения, определяемой правилами, способными давать объективный и воспроизводимый результат [30, с. 110]. Приписывание одних и тех же числовых значений некоторым величинам не означает, что они соизмеримы, не все качества измеряются в одном и том же смысле [31, с. 402–403]. Возможно ли, например, измерение по одной шкале нарушения достоинства личности и свободы слова [4, с. 211–214]?

Бремя доказывания, вопреки утверждению В. А. да Силвы [32], здесь, безусловно, лежит на том, кто утверждает такую возможность, и Алекси пытается это сделать при помощи шкалы из трех элементов, предполагающей сравнение «легкого», «умеренного» и «серьезного» нарушений принципа [4, с. 214–220], однако в конечном счете приходит к выводу, что его шкала сравнивает не сами принципы (нарушения принципов), а их важность для конституции [4, с. 218]. Но что означает «важность с точки зрения конституции»? Почему с точки зрения конституции серьезное нарушение одного принципа важнее умеренного нарушения другого? Каким образом можно установить такую относительную важность? И если это возможно, зачем нужна сама по себе «формула веса»? В целом объяснение Алекси является крайне туманным и едва ли может быть принято для обоснования точной процедуры измерения.

В качестве дополнительного аргумента Алекси замечает, что соизмеримость существует, потому что нельзя отрицать возможность рационального дискурса о том, что важно с точки зрения конституции [4, с. 218]. Каждое из двух уравниваний – соизмеримости с возможностью «единой точки зрения конституции», а последней – с возможностью рациональной дискуссии о конституции – довольно сомнительны, потому что поставленные выше вопросы все равно остаются без ясных ответов. При этом потенциальная возможность рационального дискурса не означает, что он будет существовать в реальности, и даже его реальное существование не обязательно приведет к какой-то общей точке зрения.

Для усиления рассмотренной выше позиции различными авторами были высказаны дополнительные аргументы в пользу соизмеримости.

Первый из них состоит в том, что проблему соизмеримости решает само наличие процедуры принятия решения [32, р. 276; 33, р. 64; 34, с. 72]. Вместе с тем едва ли это верно. В данном контексте уместно разграничить позиции участника правовой системы и наблюдателя

[35, с. 86–95; 36]. С позиции наблюдателя действительно можно (хотя и очень сложно) рассуждать об измерении некоторой реальной величины, соответствующей поведению лиц, принимающих решения, – склонности судей к тому или иному принципу. Но юриспруденция не является наукой о поведении судей и оценивает проблему столкновения принципов с позиций участника, в том числе самого судьи, нуждающегося в методе принятия решения.

Некоторые авторы, разграничивая понятия соизмеримости и сравнимости, делают вывод, что, даже если некоторые предметы и не являются соизмеримыми, процедура принятия решения неизбежно делает их сравнимыми [32]. Безусловно, можно согласиться с тем, что если судьи каким-то образом сравнивают принципы, то их можно считать сравнимыми. Однако само по себе это не более чем тавтология, поскольку вопрос не в сравнимости принципов, а в методе их сравнения, и если балансирование – это просто рациональное сравнение, то зачем нужны «формула веса» и из трех частей шкала нарушения принципов?

Другой аргумент состоит в том, что проблема несоизмеримости решается тем, что сравниваются не сами принципы, а степень их соответствия идеалу, подобно тому, как на конкурсе собак бульдогов и шнауцеров сравнивают не между собой, а по степени приближения к идеальному образцу соответствующей породы [27, с. 63; 32, р. 286; 34, с. 74]. Вместе с тем такой подход к разрешению коллизий принципов возможен только при аксиоме изначального равенства их весов [37], которая не принимается большинством сторонников данного метода и судебной практикой [27, с. 64; 4, с. 215], либо на основании заранее точно определенного весового соотношения соответствующих принципов, установление которого представляет собой методологически неразрешимую задачу. Если же точное соотношение весов неизвестно, то измерение степени нарушения каждого принципа в отдельности теряет методологический смысл.

Из изложенного можно сделать вывод, что соизмеримость юридических принципов не получила надлежащего обоснования в трудах сторонников теории взвешивания, а тезис несоизмеримости, напротив, опровергнут не был. По этой причине строгий вариант концепции взвешивания не может быть принят как корректный способ разрешения коллизий принципов.

4. Метод балансирования как частный случай метода гармонизации норм

Применение к конфликтам принципов общего метода разрешения коллизий часто ставится под сомнение, однако в действительности оснований для этого немного.

В литературе встречается утверждение, что основные правила разрешения нормативных коллизий не могут быть применены к разрешению коллизий принципов [38, с. 21], однако это не так. Например, правило *lex superior* вполне применимо при столкновении конституционного принципа и принципа, закрепленного только в отраслевом законодательстве. Правило *lex posterior* может применяться при резком изменении правового регулирования, например принятии новой конституции. Правило *lex specialis* явным образом применимо, когда из общей сферы регулирования некоего принципа делается специальное исключение, само по себе являющееся принципом (например, принцип неприкосновенности судей как исключение из общего принципа равенства перед законом и судом).

Коллизионные правила редко применяются к принципам не потому, что это невозможно, а потому, что сами коллизии, разрешимые с их помощью, встречаются редко. Конфликтующие принципы, как правило, имеют равную юридическую силу, не различаются по времени позитивации и не соотносятся явным образом как общее правило и исключение. Поэтому с позиций классической теории основным способом разрешения таких нормативных коллизий является гармонизация.

Ключевой вопрос, на который нам необходимо дать ответ, – соотношение метода согласования содержания норм и «метафорического» варианта теории взвешивания. По нашему мнению, во многом противопоставление данных способов является иллюзорным.

Сторонники метода взвешивания считают, что правила либо действуют, либо не действуют в конкретной ситуации, в то время как принципы всегда выполняются в определенной степени. Но смысл коллизии принципов заключается именно в том, что в конечном счете только один из них будет применен путем выбора того из двух решений, направление к которому он задавал. Поэтому для конкретного индивидуального фактического состава принципы «действуют» или «не действуют» ровно в том же самом смысле, в каком могут «действовать» или «не действовать» правила. Как правила, так и принципы имеют открытую текстуру по Харту [35, с. 127–138], т. е. содержат элемент неопределенности границ своей применимости. Различие же заключается в том, что в принципах проявляется «наибольший уровень неопределенности в праве»⁴ или их «открытый характер» [7, с. 240–254]. Формирование и развитие единообразной судебной практики, в частности практики применения принципов, означает постепенную конкретизацию их смысла и уменьшение неопределенности: все большее число конкретных фактических составов становится относимым либо к одной норме, либо к другой. «Взвешивание», т. е. выбор приоритетного принципа, не альтернатива их категоризации, а ее часть – завершение «взвешивания» в конкретном случае будет означать его подведение под ту или иную категорию. Более четкое категориальное разграничение данных принципов в дальнейшем приведет к тому, что спорная ситуация не будет рассматриваться как нормоконфликтная. Сама же по себе метафора «взвешивания» в условиях конфликта принципов скрывает телескопическое толкование, которое, по-видимому, и подразумевает Алекси, говоря о «единой точке зрения».

Заключение

Рассмотрев проблему соотношения традиционного доктринального метода разрешения нормативных коллизий и метода взвешивания принципов, мы приходим к выводу, что их противопоставление является мнимым. Конфликт принципов вполне вписывается в обычную классификацию нормативных коллизий, в большинстве случаев представляя собой телескопическую коллизию. Выделяемый в литературе в качестве особенного метод категоризации представляет собой не что иное, как гармонизацию конфликтующих норм – разграничение содержания норм на этапе их интерпретации. Метод взвешивания описывается в научной литературе в двух формах, одна из которых видит в нем метафору, а другая – строгую процедуру измерения. Однако вторая форма данной концепции терпит неудачу, сталкиваясь с проблемой несопоставимости «взвешиваемых» понятий. «Метафорическое» понимание балансирования, в свою очередь, вполне согласуется с традиционной теорией разрешения коллизий и может рассматриваться как телескопическое толкование, результаты которого в дальнейшем становятся частью категоризации как в смысле подведения под тот или иной принцип, так и в аспекте построения концептуальной системы принципов данной правовой системы.

Список источников

1. Власенко Н. А. Коллизионные нормы в советском праве. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1984. 99 с.
2. Гамбaryan A. S., Dallakyan L. G. Коллизионные нормы и их конкуренция : моногр. М. : Юрлитин-форм, 2019. 160 с.
3. Петров А. А., Шафиров В. М. Предметная иерархия нормативных правовых актов : моногр. М. : Проспект, 2014. 208 с.
4. Алекси Р. Формула веса / пер. В. В. Архипова // Российский ежегодник теории права. СПб. : Изд. дом СПбГУ, 2011. № 3-2010. С. 208–228.

⁴ Власенко Н. А. Проблемы правовой неопределенности : курс лекций. М. : Инфра-М, 2023. С. 46–47.

5. Белов С. А. Юриспруденция конституционных ценностей: происхождение, критика и защита от нее // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 2024. № 2. С. 3–31.
6. Варламова Н. В. Толкование актов о правах человека: неизбежность судебного усмотрения // Толкование права: классика и постклассика : колл. моногр. / под ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. СПб. : Алетейя, 2024. С. 269–284.
7. Варламова Н. В. Права человека: теоретическое обоснование и юридико-догматическая конкретизация : моногр. М. : ИГП РАН, 2024. 624 с.
8. Дворкин Р. О правах всерьез / пер. с англ., под ред. Л. Б. Макеевой. М. : РОССПЭН, 2004. 391 с.
9. Коваль С. В. О Дворкине всерьез. Современная англо-американская философия права. М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2024. 392 с.
10. Касаткин С. Н. Границы империи: юридический интерпретативизм Рональда Дворкина на карте правовых теорий : моногр. Самара : Самар. юрид. ин-т ФСИН России, 2021. 115 с.
11. Тимошина Е. В., Васильева Н. С., Кондуров В. Е. и др. Три царства права: действительность, действенность, легитимность / под ред. Е. В. Тимошиной. СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2023. 644 с.
12. Корнев В. Н. Эволюция доктрины принципов права в отечественной юридической науке // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 1 (41). С. 64–70.
13. Alexy R. A Theory of constitutional rights / transl. from Germ. by J. Rivers. Oxford : Oxford University Press, 2010. 462 p.
14. Esser J. Grundsatz und Norm in der richterlichen Fortbildung des Privatrechts: rechtsvergleichende Beiträge zur Rechtsquellen und Interpretationstheorie. 4. Aufl. Tübingen : Mohr, 1990. 394 S.
15. Корнев В. Н. Принципы права в зарубежной правовой доктрине: природа, назначение и функция // Государство и право. 2016. № 11. С. 59–67.
16. Dworkin R. Taking rights seriously. Cambridge : Harvard University Press, 1978. 371 p.
17. Hart H. L. A. The concept of law / eds. P. L. Bulloch, J. Raz. 3rd ed. Oxford : Oxford University Press, 2012. 333 p.
18. Raz J. Legal principles and the limits of law // Yale Law Journal. 1972. Vol. 81, no. 5. P. 823–854.
19. Касаткин С. Н. Концептуализация юридических коллизий: некоторые теоретико-методологические различия // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Право. 2025. № 1 (60). С. 52–60.
20. Краевский А. А. Между холизмом и реализмом: две теории юридических коллизий Г. Кельзена // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Юридические науки. 2025. № 1 (29). С. 117–134.
21. Кельзен Г. Очерки по философии права и морали / пер. с англ. и нем. М. В. Антонова, А. А. Краевского. СПб. : Алеф-Пресс, 2024. 291 с.
22. Кельзен Г. Юридическая теория соглашения / пер. с фр. Д. В. Даниленко, под ред. Д. О. Грачева // Право и политика. 2009. № 2 (110). С. 256–264.
23. Должиков А. В. Конституционный принцип соразмерности: метод юридической доктрины // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. № 53. С. 540–561.
24. Васьковский Е. В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. М. : ЮрИнфоП, 2002. 508 с.
25. Cueto-Rua J. Judicial methods of interpretation of the law. Baton Ruge : Louisiana State Univ. Law, 1981. 508 p.
26. Barak A. Proportionality, constitutional rights and their limitations / transl. from Hebrew by D. Kalir. Cambridge : Cambridge University Press, 2012. 611 p.
27. Коэн-Элия М., Порат И. Американский метод взвешивания интересов и немецкий тест на пропорциональность: исторические корни / пер. с англ. Д. Сичинавы // Сравнительное конституционное обозрение. 2011. № 3 (82). С. 59–81.
28. Шустров Д. Г. Принцип пропорциональности в конституционном праве Израиля. М. : Ленанд, 2015. 160 с.
29. Белов С. А. Рациональность судебной балансировки конституционных ценностей с помощью теста на пропорциональность // Петербургский юрист. 2016. № 1. С. 63–75.

30. Карнап Р. Философские основания физики / пер. с англ. Г. И. Рузавина ; общ. ред. И. Б. Новика. М. : Прогресс, 1971. 388 с.
31. Коэн М., Нагель Э. Введение в логику и научный метод / пер. П. С. Куслий. Челябинск : Социум, 2010. 655 с.
32. Da Silva V. A. Comparing the incommensurable: constitutional principles, balancing and rational decision // Oxford Journal of Legal Studies. 2011. Vol. 31, no. 2. P. 273–301.
33. Klatt M., Meister M. The constitutional structure of proportionality. Oxford : Oxford University Press, 2012. 184 p.
34. Манжосов С. А. Следование прецеденту в условиях балансирования // Сравнительное конституционное обозрение. 2019. № 6 (133). С. 61–85.
35. Харт Г. Л. А. Понятие права / пер. с англ. Е. В. Афосина, М. В. Бабак, А. Б. Дицикина, С. В. Мoiseeva. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. 302 с.
36. Алекси Р. Понятие и действительность права (ответ юридическому позитивизму) / пер. с нем. А. Н. Лаптева при участии Ф. Кальшойера. М. ; Берлин : Инфотропик Медиа, 2011. 192 с.
37. Chapman B. Incommensurability, proportionality, and defeasibility // Law, Probability and Risk. 2013. Vol. 12. P. 259–274.
38. Алекси Р. О структуре принципов права / пер. с нем. В. Н. Корнева // Российское правосудие. 2017. № 3 (131). С. 19–34.

References

1. Vlasenko, N. A. *Collision norms in Soviet law*. Irkutsk: Irkutsk University Press; 1984. 99 p. (In Russ.)
2. Gambaryan, A. S., Dallakyan, L. G. *Collision norms and their competition*. Monograph. Moscow: Yurlitinform; 2019. 160 p. (In Russ.)
3. Petrov, A. A., Shafirov, V. M. *The subject hierarchy of statutes*. Moscow: Prospekt; 2014. 208 p. (In Russ.)
4. Alexy, R. Weight formula. *Russian yearbook of legal theory*. St. Petersburg: St. Petersburg State University Press; 2011. № 3-2010. Pp. 208–228. (In Russ.)
5. Belov, S. A. Jurisprudence of constitutional values: origin, criticism and defense against it. *Lomonosov Law Journal*. 2024;(2):3-31. (In Russ.)
6. Varlamova, N. V. Interpretation of the human rights legal acts: inevitability of judicial discretion. In: E. N. Tonkov, I. L. Chestnov, eds. *Interpretation of law: Classics and Postclassics*. Collective monograph. St. Petersburg: Aletejya; 2024. Pp. 269–284. (In Russ.)
7. Varlamova, N. V. *Human rights: theoretical foundation and legal-dogmatic concretization*. Monograph. Moscow: Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 2024. 624 p. (In Russ.)
8. Dworkin, R. *Taking rights seriously*. Transl. from Engl., ed. by L. B. Makeeva. Moscow: ROSSPEN; 2004. 391 p. (In Russ.)
9. Koval, S. V. *About Dworkin seriously. Modern Anglo-American philosophy of law*. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics; 2024. 392 p. (In Russ.)
10. Kasatkin, S. N. *Borders of the Empire: Ronald Dworkin's legal interpretativism on the map of legal theories*. Monograph. Samara: Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia; 2021. 115 p. (In Russ.)
11. Timoshina, E. V., Vasileva, N. S., Kondurov, V. E., et al. *Three realms of law: validity, efficacy, legitimacy*. Ed. E. V. Timoshina. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University; 2023. 644 p. (In Russ.)
12. Kornev, V. N. The evolution of the doctrine principles of law in Russian legal science. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii = Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2018;(1):64-70. (In Russ.)
13. Alexy, R. *A Theory of constitutional rights*. Transl. from Germ. by J. Rivers. Oxford: Oxford University Press; 2010. 462 p.
14. Esser, J. *Grundsatz und Norm in der richterlichen Fortbildung des Privatrechts: rechtsvergleichende Beiträge zur Rechtsquellen und Interpretationlehre*. 4. Aufl. Tübingen: Mohr; 1990. 394 S.

15. Kornev, V. N. The principles of law in international legal doctrine: the nature, purpose and functions. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*. 2016;(11):59-67. (In Russ.)
16. Dworkin, R. *Taking rights seriously*. Cambridge: Harvard University Press; 1978. 371 p.
17. Hart, H. L. A. *The concept of law*. Eds. P. L. Bulloch, J. Raz. 3rd ed. Oxford: Oxford University Press; 2012. 333 p.
18. Raz, J. Legal Principles and the limits of law. *Yale Law Journal*. 1972;81(5):823-854.
19. Kasatkin, S. N. Conceptualization of legal collisions: some theoretical and methodological distinctions. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Pravo = Proceedings of Voronezh State University. Series: Law*. 2025;(1):52-60. (In Russ.).
20. Kraevsky, A. A. Between holism and realism: H. Kelsen's two theories of legal conflicts. *RUDN Journal of Law*. 2025;(1):117-134. (In Russ.)
21. Kelsen, H. *Essays in legal and moral philosophy*. Transl. from Engl. and Germ. by M. V. Antonov, A. A. Kraevsky. St. Petersburg: Alef-Press; 2024. 291 p. (In Russ.)
22. Kelsen, H. Legal theory of convention. Transl. from French by D. V. Danilenko; ed. D. O. Grachev. *Pravo i politika = Law and Politics*. 2009;(2):256-264. (In Russ.)
23. Dolzhikov, A. V. The constitutional principle of proportionality: a legal-dogmatic method. *Perm University Herald. Juridical Sciences*. 2021;(53):540-561. (In Russ.)
24. Vaskovsky, E. V. *Civil law methodology. The theory of interpretation and application of civil laws*. Moscow: YurInfoR; 2002. 508 p. (In Russ.)
25. Cueto-Rua, J. *Judicial methods of interpretation of the law*. Baton Rauge: Louisiana State Univ. Law; 1981. 508 p.
26. Barak, A. *Proportionality, constitutional rights and their limitations*. Transl. from Hebrew by D. Kalir. Cambridge: Cambridge University Press; 2012. 611 p.
27. Koen-Eliya, M., Porat, I. American balancing and German proportionality: the historical origins. Transl. from Engl. by D. Sichinava. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie = Comparative Constitutional Review*. 2011;(3):59-81. (In Russ.)
28. Shustrov, D. G. *Principle of proportionality in Israeli constitutional law*. Moscow: Lenand; 2015. 160 p. (In Russ.)
29. Belov, S. A. Rationality of judicial balancing constitutional values using a proportionality test. *Petersburgskij jurist = Petersburg Lawyer*. 2016;(1):63-75. (In Russ.)
30. Carnap, R. *Philosophical foundations of physics*. Transl. from Engl. by G. I. Ruzavin; ed. I. B. Novik. Moscow: Progress; 1971. 390 p. (In Russ.)
31. Cohen, M., Nagel, E. *An introduction to the logic and scientific method*. Transl. by P. S. Kuslij. Chelyabinsk: Sotsium; 2010. 655 p. (In Russ.)
32. Da Silva, V. A. Comparing the incommensurable: constitutional principles, balancing and rational decision. *Oxford Journal of Legal Studies*. 2011;31(2):273-301.
33. Klatt, M., Meister, M. *The constitutional structure of proportionality*. Oxford: Oxford University Press; 2012. 184 p.
34. Manzhosov, S. A. Reasoning by precedent in terms of balancing. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie = Comparative Constitutional Review*. 2019;(6):61-85. (In Russ.)
35. Hart, H. L. A. *The concept of law*. Transl. from Engl. by E. V. Afosin, M. V. Babak, A. B. Didikin, S. V. Moiseev. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University; 2007. 302 p. (In Russ.)
36. Alexy, R. *The concept and the validity of law (a reply to legal positivism)*. Transl. from Germ. by A. N. Laptev with the participation of F. Kalshoyer. Moscow; Berlin: Infotropik Media; 2011. 192 p. (In Russ.)
37. Chapman, B. Incommensurability, proportionality, and defeasibility. *Law, Probability and Risk*. 2013;(12):259-274.
38. Alexy, R. On the structure of legal principles. Transl. from Germ. by V. N. Kornev. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2017;(3):19-34. (In Russ.)

Информация об авторе

А. А. Краевский – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета; приглашенный исследователь Самарского государственного экономического университета.

Information about the author

A. A. Kraevsky – Candidate of Science (Law), Associate Professor at the Theory and History of State and Law Department of St. Petersburg State University; Visiting Researcher at the Samara State University of Economics.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 03.06.2025; одобрена после рецензирования 30.06.2025; принятa к публикации 27.08.2025.

The article was submitted 03.06.2025; approved after reviewing 30.06.2025; accepted for publication 27.08.2025.